

НОВЫЕ ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ

УДК 81'1

МЕДИАОБРАЗ САН-ЭСКОБАРА В ПРОСТРАНСТВЕ ВЫМЫШЛЕННЫХ МИРОВ: СОЦИОСЕМИОТИЧЕСКИЙ РАКУРС

Ж. Р. Сладкевич^{1, 2}

¹ Гданьский университет
80—308, Польша, г. Гданьск, ул. Вита Ствоша, 51
² Балтийский федеральный университет им. И. Канта
236016, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14
Поступила в редакцию 29.05.2018 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2019-2-7

Рассматривается процесс структуризации понятия о фиктивном государстве Сан-Эскобаре в ракурсе социальной семиотики, с учетом широко понимаемого контекста и медиасреды конструирования образа. Стимулом к сетевой креации мема послужила оговорка главы МИД Польши Витольда Вациковского.

Кардинальные изменения коммуникативного пространства, господство цифровых медиаресурсов и поликодовых сообщений, гегемония визуальной культуры и усиление воздействия общественного фактора на специфику языковых преобразований способствовали выходу на авансцену гуманитарных исследований социосемиотического направления. В теоретической части статьи осуществлен синтетический анализ эволюции понятия «контекст» в лингвистике в ракурсе таких ее направлений, как системно-функциональная грамматика, когнитивистика, социальная семиотика и мультимодальный анализ дискурса. В аналитической части исследуется сконструированный медиаобраз фиктивного государства Сан-Эскобар через призму следующих контекстов: ситуативно-медиаального, культурно-познавательного, языкового, интенционального и социально-экономического. Подводя итоги специфики смыслообразования в нарративных социальных практиках, автор приходит к выводу о реконтекстуализации мысли Михаила Бахтина относительно полифонической природы языка и коммуникации.

Ключевые слова: социальная семиотика, контекст, медийный образ, интернет-коммуникация.

Кардинальные изменения коммуникативного пространства, господство цифровых медиаресурсов и поликодовых сообщений, гегемония визуальной культуры и усиление воздействия общественного фактора на специфику языковых преобразований способствовали выходу на авансцену гуманитарных исследований социосемиотического направления. В течение последних десятилетий в лингвистике, отличаю-

щейся выраженным контекстоцентризмом (Kiklewicz, 2012, s. 127), внимание ученых фокусируется не столько на системе языка, сколько на различных сферах его употребления, интенциональности коммуникации, социальных аспектах смыслообразования, изучении «различных сторон "живой" коммуникации и коммуникантов» (Кубрякова, 1995, с. 147), а также специфике общения в новом, виртуальном, пространстве. Современную коммуникативную культуру определяет глобальная трансформация, связанная с бурным развитием цифровых технологий, детерминирующая новый способ осмысления и передачи знаний, а также растущая роль социума и индивида в динамике языковых процессов и коммуникативного реагирования на текущие события.

1. Контексто-ориентированные социо семиотические исследования. Понятие контекста

Познавательная деятельность человека напрямую связана с процессами концептуализации и категоризации. Осмысление поступающей информации сопровождается образованием в сознании человека понятийной системы (концептосферы), а также отнесением объекта концептуализации к определенной категории¹. Заметим при этом, что социально-культурное наполнение понятия не является константой, а, напротив, характеризуется постоянной динамикой и модифицируется под воздействием широко понимаемого *контекста*.

Понимание дискурса как «речи, погруженной в жизнь» (Арутюнова, 1990, с. 136–137), как «текста в неразрывной связи с ситуативным контекстом» (Чернявская, 2003, с. 54) отражает новую глобальную лингвистическую перспективу — анализ языковых процессов в их связи с социокультурным фоном («kontekstem przyjęzycznym» / «околоязыковым контекстом» у Ежи Бартмиńskiego (Bartmiński, 2001, s. 33)). На необходимость учета в лингвистических исследованиях смыслопорождающей силы *контекста* указывал еще Луи Ельмслев: «...любая сущность, а, следовательно, также и любой знак определяется относительно, а не абсолютно, и только по своему месту в контексте» (Ельмслев, 1960, с. 303)². В том же ракурсе А.Ф. Лосев отмечал, что истинный смысл высказывания может быть понятен только в контексте речи: «Значение знака есть знак, взятый в свете своего контекста» (Лосев, 1982, с. 61).

Понятие контекста является ключевым для так называемой контекстоцентричной лингвистики, прежде всего прагматики, дискурсо-

¹ См. подробнее: (Лакофф, 1988, с. 12–52; Maćkiewicz, 1999, s. 47–55; Залевская, 1999, с. 99; Маслова, 2008, с. 41).

² Ср.: «...значение слова определяется не только соответствием его тому понятию, которое выражается с помощью этого слова... оно зависит... от общественно осознанных и отстоявшихся контекстов его употребления, от конкретных лексических связей его с другими словами, обусловленных присущими данному языку законами сочетания словесных значений, от экспрессивной и стилистической окраски слова» (Виноградов, 1977, с. 165).

гии, социальной семиотики. В синтетическом анализе эволюции понятия «контекст» в лингвистике Анна Душак выделяет три этапа: 1) протодискурсивный (грамматический), 2) преддискурсивный (текстовый, текстуальный) и 3) собственно дискурсивный, или интердискурсивный (Duszak, 2014, s. 228 и далее, перевод наш), отмечая при этом, что такая парадигма обусловлена не столько хронологией (хотя временные рамки имеют значение), сколько дифференциацией на когнитивном, социальном и семиотическом уровнях. Для первого этапа, представленного прежде всего работами основателя системно-функциональной грамматики Майкла Халлидея (1967; 1978; 1985), контекст трактуется как соседний текст (*co-text*), вербальное окружение анализируемого предложения. В другом значении контекст понимается как нечто внешнее по отношению к языку, то есть ситуация, в которой порождается текст (Hallida, 1978, p. 122). На втором этапе, текстуальном (этот термин представляется оптимальным, так как коррелирует с понятием процессуальности), отмеченном в 80-х и начале 90-х годов прошлого столетия сильным влиянием прагматического и когнитивистического мышления о языке (Searle, 1969; Grice, 1975; van Dijk, 1980). Контекст как в прагмалингвистическом, так и дискурсивном исследовательском русле функционирует как понятие, соотносимое скорее с планом пресуппозиции, чем выраженным *explicite* фрагментом текста, является неотъемлемым элементом коммуникации. Контекст представляет собой интерпретационную рамку, структуру знаний, необходимых для определения языкового значения, восприятия высказывания в ситуации его использования или выбора оптимальной коммуникативной стратегии.

Модели языка / дискурса основаны на склонности человека к пространственной визуализации взаимоотношений языка и контекста как взаимосвязанных и в то же время самостоятельных категорий. Это положение наглядно иллюстрирует системно-функциональная грамматика Халлидея (1978), развитая в трудах Эггинса и Мартина (Eggins, Martin, 2001 (1997)). Язык и контекст представляют собой соприкасающиеся поля, где меньшее из них символизирует язык. Халлидей дифференцирует контекст ситуации (*context of situation*) и контекст культуры (*context of culture*), причем первый из них представлен тремя социосемиотическими измерениями: поле (*field*), система социальных ролей (*tenor*) и медиаканал (*mode*). Такая парадигма коррелирует с тремя метафункциями языка: идеационной (*ideational*), межличностной (*interpersonal*) и текстовой (*textual*)³ (рис. 1).

³ Отправной точкой в коммуникативной грамматике является блок интенций, который определяет намерение вербализовать конкретный контент, то есть когнитивную мотивацию. Этот контент в исходной форме существует в сознании говорящего в виде двухчастного когнитивного представления, состоящего из *идеационного образа*, отражающего конкретный фрагмент реальности (что говорящий хочет сказать), и *прагматического намерения*, которое собирается осуществить говорящий (зачем он это говорит). Формы и способы вербализации идеационного контента с учетом коммуникативного намерения адресанта раскрываются на *текстовом уровне* (Awdziejew, Nabrajska, 2004, s. 28).

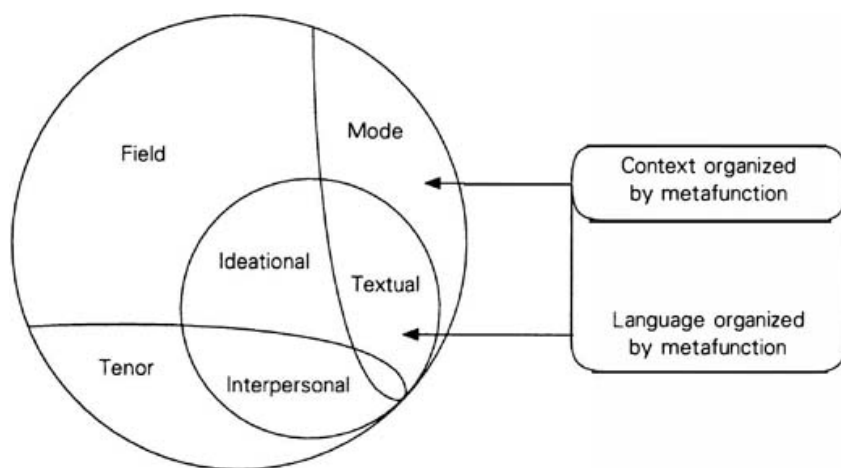

Рис. 1. Соотношение языка и контекста в функционально-систематической модели (Eggs, Martin, 2001 (1997), p. 166, без учета перевода на польский)

Т. ван Дейк, приверженец социокогнитивного направления, критически отнесся к данной теории, упрекнув ее авторов в том, что такой подход недостаточно когнитивен (*not cognitive enough*) и в данной модели не учитываются фоновые знания реальных носителей языка (van Dijk, 2008, p. 54 и далее).

Третий этап, интердискурсивный, представленный взаимосвязанными направлениями системно-функционального дискурс-анализа, социальной семиотики, мультимодального анализа текстов (Martin, 1992; Searle, 1995; Searle, 2010; Iedema, 2003; Kress, Leeuwen, 2001; Fairclough, 2003; Kress, 2010; Wang, Liu, 2015). В указанных исследовательских перспективах наступает расширение понятия «контекст» путем включения в него сфер, характеризующихся возрастанием абстрактности и удаленностью от языка, — жанра и идеологии⁴. Уровень жанра коррелирует

⁴ Понимая дискурс как «текст + контекст (лингвистический и экстралингвистический)», Е. И. Шейгал (2004, с. 11) отмечает, что в дискурсе можно выделить два измерения, аналогичных *parole – langue*: реальное и виртуальное (потенциальное). Реальное — «это поле коммуникативных практик как совокупность дискурсивных событий, это текущая речевая деятельность в определенном социальном пространстве, обладающая признаком процессности и связанная с реальной жизнью и реальным временем, а также возникающие в результате этой деятельности речевые произведения (тексты), взятые во взаимодействии лингвистических, паралингвистических и экстралингвистических факторов. В потенциальном измерении дискурс представляет собой семиотическое пространство, включающее вербальные и невербальные знаки, ориентированные на обслуживание данной коммуникативной сферы, а также тезаурус прецедентных высказываний и текстов. В потенциальное измерение дискурса включаются также представление о типичных моделях речевого поведения и набор речевых действий и жанров, специфических для данного типа коммуникации» (Шейгал, 2004, с. 12–13).

с понятием сообщества, его ценностей, норм поведения, то есть культурного контекста, а более абстрактный уровень идеологии связан с социальными отношениями власти, предпочтениями и предрассудками, которые участники привносят в общение и которые находят отражение в текстах. Эту парадигму иллюстрирует схема, предложенная Джеймсом Мартином (рис. 2; см. также: Fairclough, 1989, p. 25).

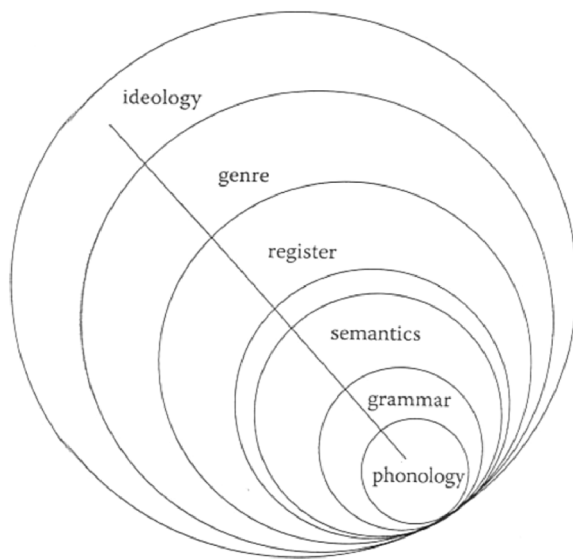

Рис. 2. Язык и его семиотическое окружение (Martin, 1992, p. 496)

Выделение уровней контекста более высокого порядка является следствием возрастающей роли *socium* в экспликации коммуникативных явлений. Наряду со знанием культуры усиливается значение контекстно-ориентированных социальных практик, что знаменует собой новое направление мышления и новый исследовательский подход (Duszak, 2014, s. 236). На рубеже XX–XXI столетий можно отметить некоторое изменение оптики понимания соотношения языка и контекста. В отличие от указанного выше образа языка в контексте (рис. 2), представляющего собой многослойную конструкцию, стала уже классической трехмерная модель дискурса, рассматриваемого в свете социокультурных практик, предложенная Норманом Фэркло (рис. 3) и углубленная его последователями (рис. 4).

Трехмерная парадигма акцентирует необходимость исследования смыслообразования в дискурсе не только в строго лингвистической перспективе, но и с учетом таких параметров, как интердискурсивность, интертекстуальность, транзитивность (степень соотношения между текстом, социальной практикой, иллюстрируемой этим текстом, и его адресатом), а также социальной матрицы дискурса, понимаемой как широкий социальный, политический и экономический контекст, в котором происходят и развиваются конкретные коммуникативные события.

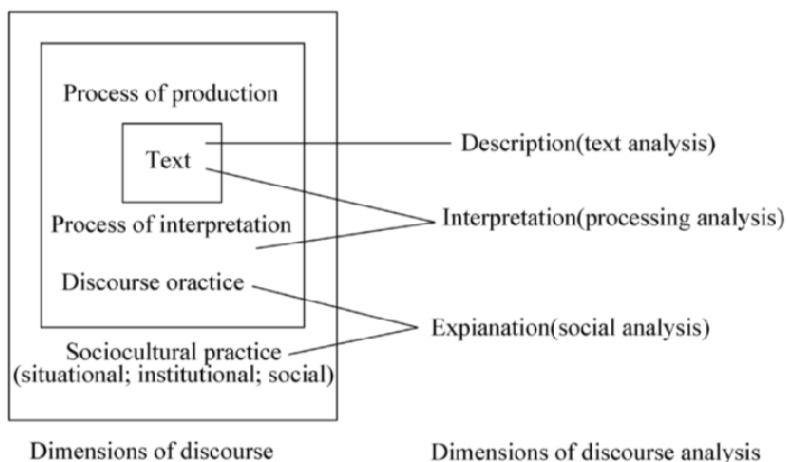

Рис. 3. Дискурс и социокультурные изменения (Fairclough, 1995, p. 98)

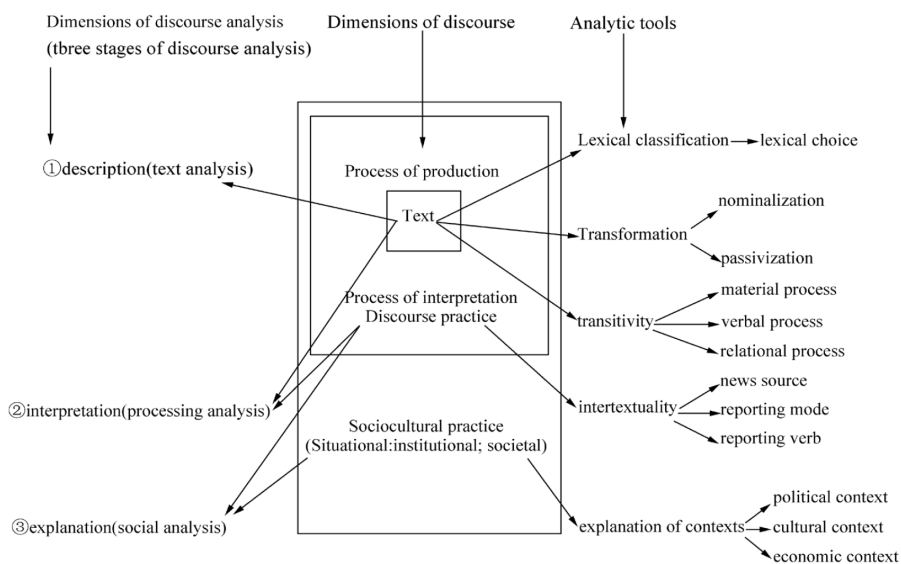

Рис. 4. Проекция, объединяющая трехмерную модель Фэркло и положения системно-функциональной грамматики (Wang, Liu, 2015, p. 3)

В связи с вышеизложенным в современных кодифицированных источниках можно найти разнообразные толкования рассматриваемого термина – от узких, собственно лингвистических дефиниций контекста, как в словарях А. А. Князева, М. А. Можейко или В. Н. Ярцевой⁵,

⁵ Контекст (от лат. contextus – соединение, связь) – фрагмент текста, включающий избранную для анализа единицу, необходимый и достаточный для определения значения этой единицы, являющегося непротиворечивым по от-

до широких, включающих социальную, культурную, историческую среду генерирования текста: «набор характеристик, которые уточняют условия существования данного феномена, подлежащего изучению, то есть локализуют события и процессы в пространстве и времени; <...> набор особых условий, в рамках которых происходят описываемые события или действия» (Зерчанинова, 2006); «окружение единицы, языковая или внеязыковая (экстралингвистическая) среда ее функционирования» (Kiklewicz, 2012, s. 112, перевод наш).

Типологии контекстов также многообразны. Так, А. А. Вербицкий выделяет внешний по отношению к речи контекст (физическое окружение) и внутренний, собственно речевой, а также социальный и субъективно-психологический контексты (Вербицкий, 1990, с. 118)⁶. Оптимальной представляется классификация видов широко понимаемого контекста, предложенная А. К. Киклевичем (Kiklewicz, 2012, s. 127 и далее)⁷:

1) *культурный*, в том числе идеологический контекст, включающий знания о мире, убеждения, верования и ориентиров;

2) *ситуационный* контекст — конфигурация коммуникативной ситуации (участники, наблюдатели, сцена, атрибуты);

3) *социальный* контекст, то есть межличностные отношения в речевых актах (равенство, дружба, партнерство, подчинение и т. п.);

4) *интенциональный* контекст, отражающий намерения сокоммуникантов, проецирующий последовательность коммуникативных шагов и их эффекты;

5) *литературный* контекст — сфера интертекстуальных связей.

Таким образом, можно заключить, что любой текст является продуктом, порожденным определенным контекстом, отвечающим на языковые ожидания партнеров общения и призванным реализовать конкретные коммуникативные задачи. В этом плане появление новых понятий, концептов и образов является своеобразной коммуникативной реакцией на динамику социально-политического и культурно-языкового контекстов, отражает мироощущение и мировоззрение определенного сообщества на данном историческом срезе.

ношению к общему смыслу данного текста. Другими словами, это полноценный фрагмент текста, позволяющий понять изначальное значение содержания включенной в этот фрагмент единицы (Князев, 2002); квазитекстовый компонент, порождаемый эффектом системности текста как экспрессивно-семантической целостности и состоящий в супераддитивности смысла и значения текста по отношению к смыслу и значению составляющих его языковых единиц (Можейко, 2001, с. 502). Отметим, что супераддитивность можно трактовать как несводимость свойств и значения текста к сумме свойств его компонентов. См. также: (Ярцева, 2002, с. 473).

⁶ В классификации В. Я. Мыркина подвидами коммуникативного контекста являются: 1) лингвистический, 2) паралингвистический, 3) ситуативный, 4) психологический, а также 5) контекст культуры (1978, с. 97).

⁷ Йоланта Мацькевич контекст понимает в следующих аспектах: 1) общий ситуативный фон, в том числе контекст масс-медиа как его разновидность; 2) культурно-познавательный контекст; 3) непосредственное знаковое окружение общения и 4) многоплановые отношения между анализируемым и другими текстами (Maćkiewicz, 2016, s. 32–33).

2. Медиально-ситуативный контекст. Участники сетевой коммуникации. Мем как базовая единица глобального медиадискурса

Формы публичной коммуникации развиваются соответственно потребностям социума и определяются изменениями в общественной сфере. Современную коммуникативную культуру моделируют динамические преобразования, связанные с бурным развитием интернет-технологий, обуславливающих новый способ осмысления и передачи знаний, а также иной характер языковой креации.

Появление Интернета как нового масс-медийного пространства, развитие телекоммуникационной инфраструктуры привели к экспансии экранно-визуальной культуры и иконизации семиосферы (Skudrzyk, 2005, s. 47). Новые технологии способствуют «сжатию» временной и пространственной дистанции: виртуальное пространство обеспечивает доступ ко всем пользователям, независимо от их местонахождения, и позволяет передавать информацию практически мгновенно (Slobodzian). Интернет создает особые возможности естественной коммуникации, фактически не подлежащей контролю. Форумы, блоги, соцсети позволяют спонтанно обмениваться информацией без темпорально-локальных ограничений, что превращает их в мощный инструмент общественной коммуникации, а сам социум уменьшается до размеров «глобальной деревни» с племенным костром — всемирной сетью (McLuhan, 2001, s. 178 – 179), в которой каждый может стать участником всеобщего диалога, *wreader*-ом (контаминация англ. *writer* и *reader*), то есть активным пользователем цифровых гипермедиа, являющимся одновременно адресатом и адресантом, читающим и пишущим (Szpunar, 2010, s. 256; <http://ru.amp.dictionaty.education/english/dictionary/wreader>).

Именно благодаря такой конфигурации коммуникативных ресурсов стало возможным быстрое и масштабное распространение информации о событии, которое произошло на другом полушарии и попало в фокус нашего исследования.

Исключительный резонанс в польском публичном дискурсе вызвало заявление главы МИД Польши Витольда Вашиковского в интервью, взятом у него репортерами в Нью-Йорке во время заседания Совета Безопасности ООН 10 января 2017 года. Министр упомянул о встрече с дипломатами разных государств, в том числе Сан-Эскобара:

Mamy okazję do prawie 20 spotkań z różnymi ministrami. Z niektórymi, jak np. na Karaibach po raz pierwszy chyba w historii naszej dyplomacji. Na przykład z takimi krajami jak San Escobar albo Belize.

У нас есть возможность почти 20 встреч с различными министрами. С некоторыми, как, например, в Карибском бассейне в первый раз, вероятно, в истории нашей дипломатии. К примеру, с такими странами, как Сан-Эскобар или Белиз⁸.

⁸ <http://www.newsweek.pl/polska/san-escobar-z-kim-rozmawial-witold-waszcykowski-wpadka-szefa-msz,artykuly,403328,1.html> (дата обращения: 09.08.2018).

В тот же день в Твиттере и на Фейсбуке появилось несколько коротких постов, заголовочная часть которых включает лексему Сан-Эскобар, а на следующий день их прочло более двух миллионов человек⁹. Иными словами, оговорка (так указанную часть выступления министра несколько часов спустя в Твиттере прокомментировала пресс-секретарь МИД Польши Иоанна Вайда¹⁰) в считанные часы приобрела дискурсивный характер и черты перформативного акта речи¹¹: В. Вашиковский «учредил» новое государство-фантом, а его детали, атрибутику и символику разработали интернауты, профессиональные журналисты и картографы. Такого рода воздействие на мир посредством речевых актов, позволяющее создавать новые состояния дел, можно охарактеризовать словами Джона Серля как «социальную магию» (Searle, 1995, p. 34). Рассматриваемое высказывание широко комментировалось в Польше и за границей (*The New York Times*, *BBC*, *The Washington Post*¹²), стало импульсом для масштабного сетевого креатива на тему Сан-Эскобара, превратившегося в гиперпопулярный мем (см.: Сладкевич, 2018).

В настоящее время *интернет-мем*, долгое время рассматривавшийся как феномен игрового плана, получил статус «основной структурной единицы современного медиапространства» (Квят, 2013), отличающейся:

- лаконичностью и смысловоемкостью, что соответствует клиповому мышлению современной аудитории, способной легко усваивать лишь гранулированный контент;
- мобильностью, то есть способностью легко передаваться от потребителя к потребителю;
- валентностью, то есть способностью вступать в связи с другими мемами.

В эпоху тотальной «интернетизации» массового коммуникативного пространства мем как его структурная единица соответствует нескольким общим тенденциям. Во-первых, в условиях мгновенного обмена информацией и вытекающего закона экономии речевых ресурсов мож-

⁹ <http://wyborcza.pl/7,75398,21230101,sam-escobar-jest-jez-wszedzie-o-nowym-soju-szniku-polski-od.html> (дата обращения: 09.08.2018).

¹⁰ И. Вайда объяснила, что речь шла о встрече министра с представителями Федерации Сент-Китс и Невис (San Cristobal y Nieves) — государства, расположенного в бассейне Карибского моря.

¹¹ М. В. Ильин расширяет понятие перформатива не только на высказывания, но и на символические действия, отмечая, что в практике перформативы разворачиваются во времени. В этой связи исследователь представляет политические процессы как цепь последующих звеньев: перформативное высказывание — перформативный акт — перформативное событие (Ильин, 2016, с. 267–268). В анализируемом случае ошибочное высказывание дипломата повлекло за собой сетевую полифонию, то есть серию актов по креации образа фиктивного государства, и превратилось в перформативное событие, интенсивно развивающееся несколько месяцев, все еще актуальное и коммуникативно значимое.

¹² Так, статья Адама Тейлора в «Washington Post» изобилует многочисленными анекдотами на тему призванной к жизни фейковой страны (Taylor, 2017).

но говорить о визуальном повороте, отвечающем стремлению современного общества увеличить информативность через редукцию средств (Химик, 2004). В этом плане реализация мема многомодусна (мем, как правило, разворачивается не только в вербальной перспективе). Во-вторых, коммуникативная природа мема соответствует смеховой карнавальной стихии (Загибалова, 2008, с. 3–21), общему «духу травестирования и пародийного отстранения» (Айзенберг, 1997, с. 214); раскрепощенности и игровому характеру сетевого общения. При этом для понимания интернет-мема необходимо соблюдение следующих условий: наличие общих фоновых знаний у коммуникантов; способность коммуниканта увидеть все культурные знаки, заложенные в интернет-меме; способность выстроить ассоциативные связи, соединяющие репрезентируемый мемом концепт с другими элементами коллективного когнитивного пространства (Беловодская, 2016, с. 123–124).

В современных исследованиях прослеживается несколько подходов к исследованию мема как сетевого медиаобраза: первый выстроен на более узком понимании и предполагает изучение «только медиатекстов, созданных профессиональными репортерами» (Галинская, 2013, с. 92); второй предусматривает включение в анализ всех текстов «созданных в медиапространстве (профессиональными журналистами, блоггерами, интернет-пользователями и т.д.)» (Беловодская, 2016, с. 120–121). В рассматриваемом нами случае последний вариант предпочтительнее, поскольку позволяет включить в корпус изучаемых текстов анонимное сетевое творчество, которое конденсирует и транслирует актуальные коллективные представления социума. Благодаря возможностям сетевой коммуникации сообщение о неудаче Вашчиковского могло запустить сложные и многоуровневые процессы рецепции и передачи информации. По мере структуризации медиаобраза Эскобара получатель, чтобы стать отправителем, должен был понять сообщение, действующее уже на нескольких уровнях: примарном, представленном высказыванием главы польской дипломатии, и надстроенных над ним уровнях высказываний других участников коммуникационного события (Badyda, Warda-Radys, 2017, s. 96). Остроумное комментирование оговорки министра стало своего рода забавой, запустившей / активизировавшей креативность интернавтов и эволюционировавшей от разговоров о самом медиаинциденте до комментирования различных областей польской социально-политической, нравственной и культурной действительности. Эта интерактивная игра (спонтанная и стимулированная администраторами веб-сайтов¹³) заключалась в том, что поль-

¹³ К примеру, на сайте телеканала TVN 24 <http://kontakt24.tvn24.pl/czas-na-nawiazanie-stosunkow-dyplomatycznych-z-szuflandia-internauci-o-wpadce-ministraswaszczykowski,1267,gt> (18.08.2018) появилось приглашение к диалогу и совместной креации образа Эскобара: *Internauci już dzielą się pomysłami, gdzie może leżeć tajemniczy San Escobar. Jedna z internatek napisała, że to «wspaniałe i piękne miejsce na emeryturę – podobnie do Nibylandii», inna zaznacza, że «San Escobar może leżeć koło Hog-*

зователи Интернета заполняли пустое пространство вымышленного Сан-Эскобара различными объектами, которые соответствовали ему и сложившимся стереотипам мышления данного социума.

3. Культурно-познавательный и литературный контексты. Интертекстуальные связи

Культурно-познавательный ракурс можно охарактеризовать как своего рода когнитивное столкновение информации, прозвучавшей из уст отправителя, министра Ващиковского, с внеязыковыми компетенциями аудитории. После саммита ООН шеф польской дипломатии, занимающий лидирующую позицию в общественной иерархии, а соответственно имеющий высокий ранг как адресат в пространстве общественной коммуникации, сообщил об установлении реальных дипломатических отношений с несуществующим государством. Отсутствие компетенций в базовой для этого адресанта сфере было отмечено адресатом, внеязыковые компетенции которого позволили констатировать, что Сан-Эскобар не только не является членом ООН, но и вообще не фигурирует на карте мира. Соединение несоединимого (Желтухина, 2000, с. 7), «отклонение от когнитивного и языкового стереотипа» (Панина, 1996, с. 11) не только вызвали закономерный комический эффект, понимаемый как «неожиданность, резко превращающаяся в понимание» (М. Войнаровский, цит. по: Глинка, 2018), но и активизировали в воображении реципиентов представление об иных вымышленных мирах.

Сложившиеся в культурах образы вымышленных миров можно разделить на несколько групп:

1. Условные «государственные» образования, не признанные официально, как Эсперантуйо / Esperantujo – идеальная страна эсперантистов, существующая временно, как правило, в период их конгрессов. Слово образовано по общей модели названий стран в языке эсперанто (franco – Francujo, то есть ‘француз – Франция’). Эсперантисты обсуждали также вопрос о своем флаге (белый квадрат с зеленой звездой на зеленом полотнище), о гимне, выпуске почтовых марок и наличии консульств Эсперантуйо в других странах (см.: Агеева, 1990). К подобным локусам можно отнести Христианию (страну, находящуюся в Копенгагене и объявившую о своей независимости 26 сентября 1971 года с населением ок. 850 человек) или княжество Хатт-Ривер в Австралии, основанное фермером Л. Кэсли в 1970 году в ответ на повышение налога на пшеницу. В государстве появились свои титулы, почтовые марки, валюта. По данным за 2011 год, в нем постоянно проживает около 30 че-

warti» / Интернавты уже делятся идеями, где может находиться загадочный Сан-Эскобар. Одна из пользовательниц написала, что это «великолепное и прекрасное место для выхода на пенсию – похоже на Нидландию», другая отмечает, что «Сан-Эскобар может лежать вблизи Хогвартса».

ловец, в то время как число обладателей паспортов княжества за его пределами составляет около 14000¹⁴. Спустя десятилетие после образования княжества официальные власти Австралии смирились с его существованием и разрешили не платить налоги (см.: Бочкарева, 2016; 10 самых удивительных виртуальных государств).

2. Затонувшие или исчезнувшие, но, согласно преданиям и поверьям, существовавшие земли. Зачатком креации локусов в этом направлении было описание Атлантиды в диалогах Платона, развитое позднее в работах последователей. Так, в научно-популярной книге «Атлантиды пяти океанов» (1987) А.М. Кондратов деонимизировавшей лексемой «атлантида» называет любую не существующую ныне землю: Пачифида — затонувшие острова-«мосты» в Тихом океане; Полинезида, Маорида, Азорида; в книге «Атлантиды ищите на шельфе» (Кондратов, 1988) появляются Охотия (суша на дне Охотского моря), Ниппонида (в Японском море; погибшая из-за тектонических процессов), Сунда (затопленный материк в Юго-Восточной Азии) и др. Известны и другие историко-географические гипотезы, как: Берингия — предполагаемый древний мост в Беринговом проливе между Азией и Северной Америкой; Лемурия — мифический затонувший континент в Индийском океане, название которого связано с именем мадагаскарских приматов лемурув, больше нигде не встречающихся, на чем и основана гипотеза о Мадагаскаре как части затонувшего ныне континента; Земля Санникова — остров-призрак в Северном Ледовитом океане, который якобы видели некоторые исследователи к северу от Новосибирских островов.

3. К третьей группе следует отнести фигурирующие в легендах и мифах локусы, отражающие представления людей о земном рае, земле обетованной. Они связаны с космогоническими представлениями народов древности, когда страна мыслилась как центр модели космоса. Таковы социально-утопическое воображение об Эдеме (в Средневековье связанном с Азией), Офире — упоминаемой в Библии в Книге Царств сказочно богатой стране, из которой мореплаватели, рабы царя Соломона, привезли ему золото для постройки храма, а также великое множество драгоценных камней и сандалового дерева. В России это представления о стране Беловодье (легендарной стране свободы, ассоциирующейся с Ирием — древнеславянским раем, к которому восходит образ молочных рек в русских сказках), в буддийской мифологии — о стране Шамбале, в Античности — о блаженных островах и саде Гесперид с молодильными золотыми яблоками, в древнегреческой мифологии — Гиперборея (легендарная северная страна, место обитания счастливого народа гипербореев), в мифах индейского племени алгонкинов — Королевство Сагеней (страна в Северной Америке, изобилующая золотом, серебром и мехом). Согласно Л.А. Ельницкому, происхождение утопических идей, связанных с географическими представле-

¹⁴ <http://www.off-the-path.com/en/the-unknown-country-within-australia> (дата обращения: 09.08.2018).

ниями, коренится в культе божеств плодородия, в частности, греческого Кроноса и римского Сатурна, почитавшихся царями потустороннего царства блаженных и царями «золотого века» (Ельницкий, 1962, с. 76).

В Средние века создавалось много легенд о диковинных богатых и прекрасных землях, например стране Пресвитера Иоанна (Джона) или стране Эльдорадо, в которой золото лежит грудками и на поиски которой отправлялись целые экспедиции экспертов. В фольклоре средневековой Европы «у народной Утопии множество имен, она фигурирует под разными образами. Это и английская страна Кокейн и французская Кокань. Это и Помора и Горная Бразилия, Гора Венеры и Страна Юности. Это и Люберланд и Шларафенланд, Рай бедняка и Леденцовая гора» (Мортон, 1956, с. 18). К примеру, Шларафенланд (нем. Schlaffaffenland, 'страна ленивых обезьян') в немецких сказках — страна молочных рек и кисельных берегов, в которой звери бегают и летают жареными, дома сделаны из пряников, вместо камней повсюду лежит сыр. В этой стране не надо трудиться, ведь богатство ее неисчерпаемо, а главной добродетелью ее жителей являются наслаждения и отдых. В Кокани также сказочное изобилие еды и питья, прекрасные природные условия, позволяющие собирать по четыре урожая в год, не прекращаются праздники, а все жители здоровы и молоды. Утопические представления об идеальном, не искаженном цивилизацией мире, проявляются и в современной поп-культуре (напр., планета Пандора в фильме «Аватар» 2009 года).

4. Тартар, кристаллизировавший представления о загробном мире; страна Зазеркалья, то есть представления о жизни «по ту сторону», в русском фольклоре — тридевятое царство, тридесятое государство, попасть в которое можно, только преодолев море, огненную реку, пропасть, непроходимый лес. Герой сказки направляется туда за похищенной красавицей, чудом, молодильными яблоками или исцеляющей водой (Пропп, 1986, с. 281). Близок к вышеупомянутым и образ Лукоморья (от *лук моря* — 'изгиб морского берега') — заповедного места на краю мира, где стоит мировое древо — ось мира, по которому можно попасть в другие миры, так как его вершина упирается в небеса, а корни достигают преисподней.

5. Антиутопические образы стран¹⁵, в которых господствуют диктатура, самодурство, отсталость и дикие нравы¹⁶. Детализированный ин-

¹⁵ Описать все богатство литературы не представляется возможным, можно лишь упомянуть великолепные описания Лилипутии и Блефуску в «Путешествии Гулливера» Джонатана Свифта, мир чудес и зазеркалья в «Алисе в Стране чудес» Льюиса Кэрролла, земли удивительной страны Оз из серии книг Лаймена Баума «Удивительный волшебник из страны Оз», Земноморье из шестикнижия Урсулы Ле Гуин, мир Ведьмака польского писателя Анджея Сапковского или Этория из цикла произведений современного российского фантаста Михаила Костина.

¹⁶ К этой группе примыкают образы стран, олицетворяющих определенные фобии, страхи или наказания за пороки, например, Страна невыученных уроков (Л. Гераскиной), Страна дураков (А.Н. Толстого), Страна лжецов (Дж. Родари) и т. п.

тернавтами образ Сан-Эскобара наиболее приближен к типу «банановой республики» — страны Латинской Америки, в которой отмечается политическая нестабильность, отсталая инфраструктура, инфляция и т. п. Образ банановой диктатуры является одним из наиболее востребованных в западной поп-культуре, кинематографе, беллетристике. Приведем несколько примеров. Самой известной, пожалуй, является вымышленная испаноговорящая страна Вальверде, схожая с Кубой или Никарагуа, используемая создателями голливудских фильмов, когда по сценарию им требуется показать некое проблемное южно- или центральноамериканское государство. Вальверде фигурирует в ряде известных кинолент: «Коммандо» / «Commando» (1985), «Хищник» / «Predator» (1987), сериале «Суперавианосец» / «Supercarrier» (1988), «Крепкий орешек 2» / «Die Hard 2» (1990) и др.

Западная социально-антиутопическая проекция отсталых и опасных стран отражена также в вымышленных локусах комиксов «Marvel», сконцентрированных в Восточной Европе, Азии и Африке. Назовем некоторые из них: Латверия — расположенная между Венгрией, Трансильванией и Сербией зажиточная страна с полумиллионным населением, возглавляемая Виктором фон Думом, диктатором, узурпировавшим престол и не терпящим инакомыслия. Союзница Латверии — обнищавшая Симкария, через которую пролегает наркотрафик между Западом и Восточной Европой. Недалеко от Латверии и Симкарии располагается Заковия, которая после падения СССР погрязла в междоусобицах и коррупции. Ее население страдает от голода, нищеты и болезней, во многих регионах в дефиците даже питьевая вода. На юго-востоке Европы располагаются: захудалая республика Транзия; Народная республика Черная, в которой после падения коммунизма власть перешла в руки военных, что инициировало массовые репрессии. Северная Слорения, граничащая с Латвией и Литвой, после развала Союза увязла в межэтнических конфликтах. Из африканских локусов внимания заслуживает Ваканда, находящаяся рядом с Угандой, Кенией и Эфиопией. Здесь высокие технологии, современные города и небоскребы соседствуют с древними религиями и ветхими руинами. Своим богатством Ваканда обязана залежам вибрианума, редкого и ценного металла внеземного происхождения. По соседству с Вакандой расположены Азания и Ниганда, посещать которые крайне опасно: в Азании свирепствует апартеид, а Ниганда разорена бесконечными войнами (подробнее: Ионов, 2018).

Список отсталых псевдodemократических республик, иллюстрирующих «западный» фокус мировидения, можно продолжать. На рубеже XIX и XX веков английский писатель Энтони Хоуп создал образ Руритании — своего рода отсталой австро-венгерской провинции, в которой происходит действие романа «Узник Зенды». Руритания в англоязычном мире превратилась в нарицательное имя для обозначения типичной косной и застойной центральноевропейской страны. В межвоенный период в бельгийском комиксе о Гингине появилась Бордурия — вымышленное государство на Балканах с фашистской формой правле-

ния. Позднее в поп-культуре увидели свет Молвания (страна из на-смешливой серии путеводителей по фантастическим странам «Jetlag»), Элбония (государство из комикса «Дилберт» Скотта Адамса), Кракозия (вымышленная славяноязычная страна Восточной Европы в фильме «Терминал» (2004) Стивена Спилберга); в компьютерных играх, к примеру, сербоязычная Эдония (Resident Evil 6) и постсоветская республика Черноруссия (ArmA 2), а также масса других запомнившихся фиктивных топонимов.

Как известно, восприятие напрямую зависит от уже имеющихся установок и стереотипов относительно объектов, информацию о которых мы получаем (Коноплева, 2013). Иначе говоря, любая попавшая в фокус внимания новость соотносится с уже имеющимися и хранящимися в памяти знаниями относительно данного объекта или события, со стереотипными представлениями о каком-либо фрагменте действительного или фиктивного мира, подтверждением чему является и образ Сан-Эскобара, постепенно кристаллизировавшийся благодаря творческой активности пользователей Интернета.

В Твиттере, Инстаграме и на Фейсбуке появились аккаунты «Демократической республики Сан-Эскобар» (<https://facebook.com/sanescobarcountry/>; <https://facebook.com/SanEscobarPolska/>; <https://twitter.com/sanescobartimes>; <https://www.wykop.pl/tag/sanescobar/>). На этих профилях можно не только ознакомиться с символикой государства и его картой (рис. 5), которая является важным концептуальным элементом этого понятия. В легенде к карте указано, что она была разработана на основе постов на сайте www.facebook.com/sanescobarcountry и тысяч комментариев, написанных пользователями в период 10–16 января 2017 года.

Согласно карте, площадь поверхности Сан-Эскобара составляет 92000 км², а граничит он с шестью государствами, из которых реальным является лишь Мексика. Указанные по соседству государства отсылают к семиотическому пространству иных фиктивных миров, знакомых польскому интернауту: Вестерос / Westeros — один из континентов вымышленного мира Джорджа Мартина в саге «Песнь Льда и Пламени» и экранизации «Игра престолов» (см. 15 великолепных карт несуществующих миров); Сан-Теодорос / San Theodoros — фиктивное латиноамериканское государство, известное в Европе благодаря комиксу о приключениях Тинтина бельгийца Жоржа Реми; Сан-Сериффе / San Seriffie — маленькая республика, расположенная в Индийском океане, придуманная в 1977 году редакторами британской газеты «The Guardian» в качестве первоапрельского розыгрыша и опубликованная как семи-страничное приложение с описанием географии и культуры двух ее главных островов — «Upper Caisse» и «Lower Caisse». Успех мистификации был колоссальный: телефоны редакции звучали весь день, и лишь немногие заметили, что все данные об острове были названы в честь терминологии принтера¹⁷; Сан-Пекеño / San Pequeño (досл. исп. 'маленький святой') — вымышленная страна, родина медсестры Джини Куэвас из американского ситкома «Медсестры» / «Nurses» (1991–1994).

¹⁷ <https://sergeytsvetkov.livejournal.com/113825.html> (дата обращения: 09.08.2018).

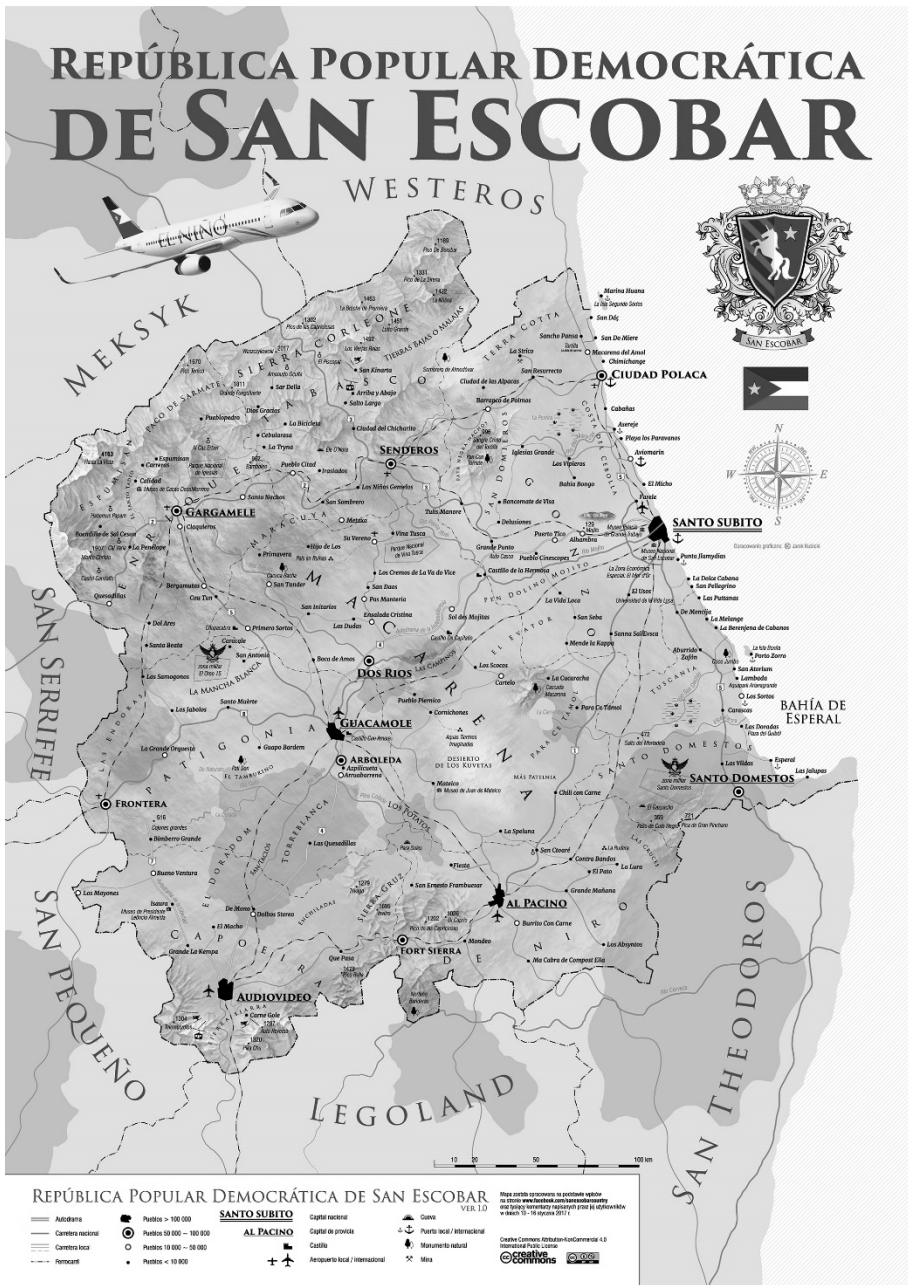

Рис. 5. Географическая карта демократической республики Сан-Эскобар¹⁸

¹⁸ https://www.polityka.pl/multimedia/_resource/res/20122854 (дата обращения: 09.08.2018).

Анализируя визуальную и языковую структуру гипертекста о Сан-Эскобаре, представленного комментариями, карикатурами, демотиваторами, видеороликами, можно узнать, что долгое время страну возглавляла президентская пара — Леонсио и Изаура (герои популярного бразильского сериала 80-х годов), а пост министра обороны занимает Хосе Аркадио Моралес, сыгранный Цезари Пазурой в фильме «Kilerów 2-óch». Столицей новоиспеченной республики является город Санто-Субито, в котором вознесен большой памятник первооткрывателю страны — Витольду Вашиковскому¹⁹. Страна имеет собственную валюту — «пабло» (аллюзия к образу Пабло Эскобара — колумбийского наркобарона и политического деятеля 90-х годов XX века), причем на лицевой стороне банкноты в десять пабло изображен польский политик Ярослав Качиньский. В эскобарской сети книжных магазинов «Los Empíricos de San Escobar» хитом является книга, обложка которой представляет собой копию пакета какао DecoMorrena²⁰, а в эскобарской прессе появляется информация, что Польша может заменить французские вертолеты эскобарскими «десперадос», вооруженными ракетами «халалень» (Szczerek, 2017).

Таким образом, Сан-Эскобар вошел в общий контекст функционирующих в поп-культуре фантастических локусов. Интернавты соотнесли Сан-Эскобар с такими фиктивными местами, как Нарния из цикла книг для детей К. С. Льюиса, Средиземье, Гондор и Мордор²¹ в легендарии Дж. Р. Р. Толкина «Властелин колец», галактическая империя «Звездных войн», таинственный Хогвартс из цикла книг о Гарри Поттере Д. Роулинг, остров Нетландия (Небыляндия, Нетинебудет) из произведения Д. Барри о Питере Пэне и т. п. В мемах интернет-пользователи предлагали министру Вашиковскому в следующей раз отправить дипломатов профессору Дамблдору из Хогвартса, ко льву Аслану из Нарнии или галактическому императору (рис. 6). В значительной степени именно благодаря широкой интертекстуальной матрице кристаллизовалась легенда Сан-Эскобара как фиктивного, но социально и контекстуально значимого топонима (рис. 7).

¹⁹ Прообразом послужил памятник Филиппу II в столице Македонии Скопье.

²⁰ В 2016 году на одном из интернет-форумов появилась фотография пачки какао этой популярной марки, а к ней вопрос: «...может кто-нибудь знает больше книг этого автора?» Тема была мгновенно подхвачена пользователями, которые в течение нескольких часов написали ок. 400 отзывов о «книге» и из производителя какао сделали всемирно известного писателя бестселлеров, последним хитом которого является «Najwyższa jakość» / «Высочайшее качество», а в ближайшее время выйдут следующие тома трилогии — «Największa Przyjemność» / «Величайшее удовольствие» и «Najlepszy Smak» / «Наилучший вкус» (см. все отзывы: <http://lubimyczytac.pl/ksiazka/306961/najwyzsza-jakosc>).

²¹ Данный фиктивный локус весьма продуктивен в публицистике для характеристики российско-украинских политических отношений, например: «Украина давно напоминает мне Шир, родину хоббитов: в ней практически нет государства, зато это теплый, плодородный край, населенный в основном добродушным, прижимистым и здравомыслящим народом. По сравнению с ней Россия, особенно Москва, — конечно, Мордор. Тут и климат жестче, и орки встречаются на каждом шагу» (Бершидский, 2013).

Рис. 6. Мы устанавливаем дипломатические отношения с Нарнией и Галактической империей²²

Рис. 7. «Министр, Ваш календарь²³»

- 10.01 Сан-Эскобар
 - 12.01 Нетландия
 - 14.01. Нарния
 - 16.01 (Hundred Acre Wood) Чудесный / Виннипуховый лес
 - 20.01 Мордор...
- Мордор перенесем. Звоните на Доманевскую²⁴

²² <http://www.gazetakrakowska.pl/aktualnosci/g/zobacz-najlepsze-memy-z-witol-dem-waszczykowskim,11684880,22230574/> (дата обращения: 09.08.2018).

²³ <https://kwejk.pl/obrazek/2859627/kierunek-san-escobar.html> (дата обращения: 09.08.2018).

²⁴ Варшавский район Służewiec на улице Доманевской, крупнейший корпоративный район в Польше, жители называют Мордором. Ежедневно сто тысяч человек съезжаются сюда на работу. Это царство пробок и коммуникативный гордиев узел, в котором обитают орки — «белые воротнички», а крупные корпорации, арендующие здесь офисы, напоминают правителя Саурона.

4. Языковой контекст

В своем высказывании министр Вашиковский «разместил» Сан-Эсkobар в бассейне Карибского моря и упомянул в той же фразе соседствующий с Мексикой Белиз, задав тем самым направление языковой креации и вызвав ассоциации с латиноамериканской культурой и испаноязычной коммуникацией. Представленная выше географическая карта страны, конденсировавшая эффекты сетевого творчества за 10–16 января 2017 года, не только стала материальным «свидетельством» существования Эскобара в конкретном месте на нашей планете, но и стимулом для дальнейшей забавы, развивающей структуру этого понятия. Карта, насчитывающая ок. 300 онимов, «репортажи», наррация «путешественников» в Эскобар и другие материалы позволяют сделать обзор языкового контекста анализируемого образа.

Из информации, размещенной в глобальной сети, можно собрать детали географии Сан-Эскобара, его крупнейших городов и туристических достопримечательностей, как: *Аль Пачино* – столица района *ДеНиро*, долина *Пан Кон Томате*, река *Бандерас*, пляж *Эсперал*, горы *Хаста-Ла-Виста* и *Сьерра-Корлеоне* или гоночный трек *Тортилла* (рис. 8–11).

Рис. 8. Долина Norteño Banderas (исп. «северные флаги») в районе Huevos Divorciados (исп. «яичница-глазунья»)²⁵

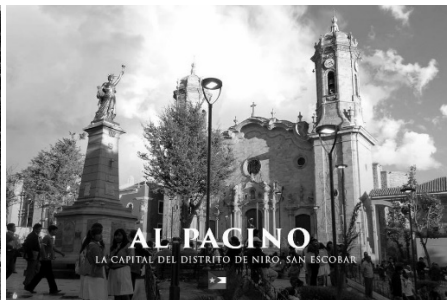

Рис. 9. Аль Пачино – это столица эскобарского района де Ниро

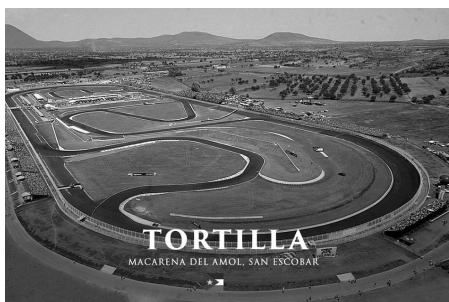

Рис. 10. Гоночный трек для Формулы 1 – Tortilla в местности Macarena del amol²⁶

Рис. 11. Высочайшие горы Сан-Эскобара – Hasta la Vista

²⁵ Рис. 8–11: <http://buzz.gazeta.pl/buzz/56,156947,21229575,san-escobar-to-piekny-kraj-nie-wierzycie-jest-tam-nawet-pomnik.html> (дата обращения: 09.08.2018).

²⁶ Игра слов: в словах известной песни «Macarena del amor» («Макарена любви») последний компонент замещен лексемой «amol», называющий натуральный лекарственный препарат, популярный в Польше.

Топографическое пространство Эскобара коррелирует с названиями известных латиноамериканских и испанских блюд, продуктов и приправ: *Buritto Con Carne, Chilli con Carne, Enchilladas, Cuacamolle, Marakuya, Santo Nachos, Tabasco, Tortilla, Quesadillas*; напитков: *Metaxa, Rio Mojito, Rio Cerveza*; названий песен: *Asereje, Bamboleo, La Cucaracha, Macarena*; боевых искусств: *Capoeira*; фамилий актеров: *Banderas, Bardem*; футболистов: *Chicharito, Arboleda, Azpilicueta, Arrubarrena, Maradona*; певцов и музыкантов: *Carreras, Iglesias* (см.: Badyda, Warda-Radys, 2017, s. 98 – 102).

Значимым представляется факт, что созвучие топонима Сан-Эскобар с фамилией колумбийского наркобарона Пабло Эскобара способствовало сопряжению образа конструируемой страны с американским телесериалом «Нарко» 2015 года, представляющим жизнь и деятельность Пабло Эскобара, и его визуальной стороной (лицо бразильского актера Вагнера Моура, исполнившего главную роль в фильме, фигурирует во многих мемах о Сан-Эскобаре). Ошибочная трансонимизация усилила цепь ассоциаций, отсылающих к стереотипному мышлению о латиноамериканском мире: наркотрафик, колумбийская (и не только) мафия, отмывание денег и т.п. Об этом свидетельствуют названия эскобарских топонимов: *Cartelo* 'наркотиковый', *Marina Huana* 'марихуана', *Contra Bandos* 'контрабанда', *Pico de Vito Corleone* 'пик Вито Корлеоне', *Sierra Corleone* 'горная цепь Вито Корлеоне' (Дон Вито Корлеоне – главный герой романа Марио Пьюзо «Крестный отец», возглавляющий сицилийскую мафию). Значительная часть мемов, представляющих эскобарскую кухню, досуг, экономику или польских политиков, отсылает к мотиву наркотиков.

Кроме того, появились профили эскобарских политических партий: *Anarquistas de San Escobar, El Partio Verde de San Escobar, El Frente Comunista de San Escobar, Moderno – Partido Liberal de San Escobar* и *Partido Juntos Somos de San Escobar*. Согласно наррации интернавтов, в Польше уже действует посольство Сан-Эскобар, как и организация Сан-Эскобар-Полония, а в работают в Варшаве на кольце де Голля стоит пальма, являющаяся подарком властей Сан-Эскобара (Zwierzchowski, 2017).

Пеструю языковую структуру гипертекста о Сан-Эскобаре можно рассматривать и как своеобразную мозаику, отражающую элементы современной польской действительности. Наряду с экзотизмами часть эскобарских онимов представляет собой комические трансформации польских лексем – собственных (*Vasch Chico Ski* 'Ващиковский'; *Tuscania* 'Тускания, Земля Дональда Туска') и нарицательных (*San Kinarty* = *sanki i party* 'санки и лыжи'), а также интернационализмов (*Pen Dolino Mojito* 'Пендолино²⁷ Мохито', *El Tamburino* 'тамбурин', *Terra Cotta* 'терракота', *El Doradom* 'Эльдорадо', *Audiovideo* 'аудиовидео'), лекарственных средств (*Espumisan* 'эспумизан', *Para Ce Tamol* 'парацетамол').

²⁷ Pendolino/Пендолино – торговая марка, объединяющая серию скоростных электропоездов, производимых компанией *Alstom*.

5. Интенциональный контекст

Согласно А. К. Киклевичу, интенциональный контекст представляет собой «*stany i zamierzenia partnerów komunikacyjnych, zaprogramowane efekty zainicjowanych działań komunikacyjnych*» / «состояния и намерения партнеров по коммуникации, запрограммированные эффекты инициированных коммуникативных действий» (Kiklewicz, 2012, s. 127). При интерпретации интенционального контекста существенны положения модальной семантики, в которой значение соотносится не столько с референтом, сколько с модальной рамкой (модально-оценочным модусом), и лингвистической прагматики, ключевым положением которой является интенциональность высказывания: речевой акт понимается как действие по реализации коммуникативного намерения адресанта по отношению к адресату. Проблему значений языковых выражений сквозь призму модальности и истинности финский логик Хинтикка связывает с теорией возможных миров (Hintikka, 1992, s. 158). В рассматриваемом нами случае сетевой полифонии на тему Сан-Эскобара ее участники условно приняли исходную пропозицию: «Если бы Сан-Эскобар существовал, то...», что позволило не только детально структурировать образа фиктивного топонима, но и включить его в нарративную практику на тему окружающей реальности.

В общей смеховой модальной рамке гипертекста о Сан-Эскобаре можно отметить некоторую эволюцию — от шуточного комментирования неудачного высказывания главы МИДа Польши до юмористического и сатирического осмеяния некоторых актов польской социально-политической действительности. Поскольку наш корпус текстов составляют респонсивные, комические по своей тональности, поликодовые тексты, в которых значимой является визуальная составляющая, типичных модальных операторов, дискурсивных слов, эксплицирующих модус, в них мы не обнаружим (эпистемических: *знать, считать, полагать, верить, думать, предполагать, хотеть, сомневаться*, и сенсорных: *видеть, слышать, чувствовать*). Ключевой интенцией авторов мемов о Сан-Эскобаре является критика и высмеивание низкой профессиональной и эпистемической компетенции министра Ващиковского, а также других значимых фигурантов политической сцены, деятельность которых, в оценке адресантов, деструктивна.

Значительная часть изображает представителей правящей партии и ее лидера — Ярослава Качиньского. Так, мем в виде анонса сериала «Jarcos» восходит к названию американского сериала «Narcos» / «Нарко». С помощью фотомонтажа лицо актера, исполнившего роль наркобарона Пабло Эскобара, заменено портретом Я. Качиньского и сопровождается подписью: *Based on the true story of El Presidente of República Popular Democrática de San Escobar Jarcos Potarro²⁸ bodaciously portrayed by Antonio Banderas / На основе реальной истории Эль Президента Народно-демократической республики Сан-Эскобар Яркоса Потарро в исполнении Антонио Бандераса.*

Абсолютным лидером по частотности появлений в эскобаровских текстах является сам Витольд Ващиковский, который в 2017 году стал

²⁸ Одно из популярных просторечных прозвищ Ярослава Качиньского, производное от фамилии Kaczyński — Kaczor 'селезень', по исп. *pato*.

победителем плебисцита «Серебряные уста», с 1992 года отличающего общественных деятелей за резонансные высказывания. В мемах он удивляется отсутствию данных об Эскобаре, ведь он уже закупил для них вертолеты; сообщает Я. Качинскому о том, что обеспечил ему политическое убежище в Сан-Эскобаре; информирует прессу об установлении дипломатических отношений с Эскобаром, после чего займется Средиземьем или же собирается бросить все и уехать в Сан-Эскобар.

Мемы представляют премьеров Беату Шидло и Витольда Ващиковского на фоне заснеженных гор с подписью *Pico de la Idiotismo / Norte San Escobar* («Пик идиотизма»); политиков В. Ващиковского, Я. Качиньского, Р. Терлецкого и А. Мацеревича как «индейцев Сан-Эскобара»; удобно рассеявшегося на заднем сиденье роскошного автомобиля о. Тадеуша Рыдзика, влиятельного католического духовного лица, поддерживающего правящую партию «Партия и справедливость» (ПиС), как *Padre Hostiá de la Renta / Dictator Más Grande Radio San Escobar* «Крупнейший диктатор Радио²⁹ Сан-Эскобар». Комически модифицированные антропонимы в мемах отсылают также к другим важным политическим деятелям: *Las Dudas* «президент Анджей Дуда», *Sanna Sal Evska* «Анна Залевска, министр образования», *Grande La Kempa* «депутат Беата Кемпа», *Vina Tusca, Tuscania* «Дональд Туск, председатель Европейского совета». Иные топонимы являются аллюзией на дискуссионные политические и экономические темы: *Caracale* (лексема восходит к названию французских вертолетов, выигравших при Д. Туске тендер на закупку для польской армии, однако этот тендер был аннулирован Министерством обороны при новом правительстве), *Los Scocos* (топоним отсылает к названию сберкас SKOK – *Spółdzielcza Kasa Oszczędnościowo-Kredytowa*, ряд филиалов которых обанкротился, несмотря на поддержку партии ПиС).

В ряде креолизованных «эскобаровских» текстов можно увидеть намеки на иные социальные пороки или моральные нормы, как, например, пристрастие к алкогольным напиткам: *Los Jabolos*, *Los Samogonos*, *Bimberro Grande*, безнравственность: *Costa del Cebolla*, *Cebularasa* (*cebula* – пейоративное определение завистливого и скупого человека) или недостойное поведение на пляжах – высмеиваемое в обществе желание отгородить себе побольше места: *Playa Los Paravanos*, (подробнее: Badyda, Warda-Radys, 2017, s. 103–104).

6. Социально-маркетинговый контекст

Итак, Сан-Эскобар начал жить «собственной жизнью» и стал очередным функционирующим в поп-культуре и публичной коммуникации вымышленным государством. Были спеты песни, посвященные новоиспеченной стране, и поставлены юмористические номера: Палина Млынарска и Юлия Хмельник в качестве вокалисток эфемерного ансамбля «Chicas de San Escobar» записали хит «*Słodki presidente*», группа «Big Сус» на антенне Radio Gdańsk исполнила гимн «*Viva San Escobar*». Темой второй серии юмористической программы «*Kabaret na żywo*»,

²⁹ Тадеуш Рыдзык является учредителем и директором влиятельного католического «Радио Мария».

транслированной в марте 2017 года, были «Олимпийские игры в Сан-Эсkobар», в городах Ополе и Свидница появились ресторан и пивная под вывеской «San Escobar», а в Гданьске и Катовицах даже курсировали трамваи по указанному маршруту. Предприниматели мгновенно ухватили популярный тренд: уже в январе 2017 года была заявлена регистрация товарного знака в более чем 10 классах товаров и услуг в текстильной, пищевой, алкогольной, гостиничной, гастрономической и фармацевтической отраслях (Wikariak, 2017; Sieńko, 2017); во многих пиццериях в меню вошла одноименная пицца; в сетевых магазинах появился эсkobарский ассортимент на любой вкус: майки, футболки, толстовки с принтами на тему Сан-Эсkobара, а также чашки, кружки, сумки, носки с эсkobарской символикой, на интернет-аукционах типа Allegro можно купить продукты (кофе, какао, орехи, сухофрукты) с логотипом Сан-Эсkobара (см.: Сладкевич, 2018). В продаже появились глобусы фирмы FunnyGifts, созданные совместно с продюсерами комедийно-политического сериала «Ucho Prezesa» («Ухо председателя партии»)³⁰. На глобусе Польша подсвечивается, что позволяет, по словам производителей, «наслаждаться ее величием даже ночью». Дополнительным бонусом к глобусу являются две наклейки с островом Сан-Эсkobар, которые можно разместить на модели земного шара согласно собственным представлениям. Более того, в сети желающие могут разгадывать кроссворды и участвовать в викторине на тему этого государства (*Ile wiesz o San Escobar? Rozwiąź quiz* 2017), а компьютерные игры, как *Realpolitiks*, дают возможность виртуально установить дипломатические отношения с Сан-Эсkobар (*Realpolitiks: San Escobar wchodzi do gry* 2017).

Таким образом, благодаря специфической конфигурации современного коммуникативного пространства бурная и многоголосая реакция социума на неудачное высказывание высокопоставленного чиновника не только привела к детальной структуризации образа несуществующего на карте государства, но и позволила ему в определенной форме материализоваться.

Подводя итоги рассмотрения вопроса о специфике словообразования в нарративных социальных практиках, можно прийти к выводу, что в настоящее время происходит своеобразная реконтекстуализация мысли Михаила Бахтина (1986) о многоголосой натуре языка: полифония проявляется в анализе социальных коммуникативных практик и их эффектов, обусловленных преобладающими в данном сообществе дискурсивными стратегиями: сотрудничества и кооперации, доминирования и конфликта, солидарности или отчуждения, аутентичности или театрализации общественного диалога, что выводит на первый план категории ценностей и оценочности, а в итоге стимулирует критическое отношение к публичной коммуникации.

³⁰ *Ucho Prezesa* — польская политическая многосерийная комедия, транслирующаяся на YouTube, Showmax и на телевидении WP. Сюжет сериала относится к актуальной политической ситуации в Польше, а большинство сцен разворачивается в варшавском кабинете лидера правящей партии «Право и Справедливость».

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект №18-18-00442, «Механизмы смыслообразования и текстуализации в нарративных и перформативных дискурсах и практиках») в Балтийском федеральном университете им. И. Канта (Россия).

Список литературы

- Агеева Р. А. Страны и народы: Происхождение названий. М., 1990.
- Айзенберг М. Власть тьмы кавычек // Знамя. 1997. №2. С. 214–221.
- Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Яревой. М., 1990. С. 136–137.
- Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1986.
- Беловодская А. К вопросу о методике анализа медиаобраза (на примере анализа корпуса интернет-мемов, эксплицирующих медиаконцепт «Путин») // Przegląd Rusycystyczny / pod red. Ż. Śladkiewicz. 2016. №4 (156). С. 118–131.
- Бершидский Л. Москва похожа на Мордор, Украина – на страну хоббитов, 02.05.2013. URL: https://sensor.net.ua/resonance/240801/moskva_pohoja_na_mordor_ukraina_na_stranu_hobbitov (дата обращения: 19.08.2018).
- Бочкарева Н. 4 страны, которые не существуют [2016]. URL: <http://fb.ru/post/destinations/2016/2/8/4077> (дата обращения: 19.08.2018).
- Вербицкий А. А. Активное обучение в школе: контекстный подход. М., 1990.
- Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слова // Лексикология и лексикография. Избр. труды. М., 1977.
- Галинская Т. Понятие медиаобраза и проблема его реконструкции в современной лингвистике // Вестник ОГУ. 2013. №11 (160). С. 91–94.
- Глинка К. Теория юмора. URL: https://scorcher.ru/neuro/neuro_sys/laughter/laughter5.php (дата обращения: 19.08.2018).
- 10 самых удивительных виртуальных государств. URL: <https://www.factroom.ru/facts/54791> (дата обращения: 20.08.2018).
- Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. 1960. Вып. 1.
- Ельницкий Л. А. Древнейшие океанские плаванья. М., 1962.
- Желтухина М. Р. Комическое в политическом дискурсе (на материале немецкого и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2000.
- Загибалова М. А. Феномен карнавализации современной культуры: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тула, 2008.
- Залевская А. А. Введение в психолингвистику. М., 1999.
- Зерчанинова Т. Е. Социология. Словарь. Екатеринбург, 2006. URL: <http://voluntary.ru/dictionary/1107> (дата обращения: 19.08.2018).
- Ильин М. В. Что может дать анализ перформативов? // Политическая наука. 2016. №4. С. 262–270.
- Ионов А. Путеводитель по вымышленным странам Marvel: Ваканда, Латверия, далее везде. 19.05.2018. URL: <https://www.mirf.ru/worlds/marvel-strany-wakanda-latveria> (дата обращения: 19.08.2018).
- Квят А. Медиаем как инструмент политического PR: когнитивный подход // Реклама и PR. 2013. №1. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1254> (дата обращения: 19.08.2018).
- Князев А. А. Энциклопедический словарь СМИ. М., 2002. URL: <http://voluntary.ru/dictionary/1105/word/kontekst> (дата обращения: 19.08.2018).
- Кондратов А. М. Атлантиды пяти океанов. Л., 1987.

- Кондратов А. М. Атлантиды ищите на шельфе. Л., 1988.
- Коноплева Т. В. Психология восприятия информации: восприятие новостей о мире политики в медиа-пространстве // Психолог. 2013. №5. URL: http://e-notabene.ru/psp/article_9247.html#8 (дата обращения: 19.08.2018).
- Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века // Язык и культура конца XX века / под ред. Ю. С. Степанова. М., 1995.
- Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. 1988. Вып. 23. С. 12–52.
- Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф. М., 1982.
- Маслова В. А. Когнитивная лингвистика. Минск, 2008.
- Можейко М. А. Контекст // Новейший философский словарь. Минск, 2001.
- Мортон А. Л. Английская утопия. М., 1956.
- Мыркин В. Я. Типы контекстов. Коммуникативный контекст // Филологические науки. 1978. №1. С. 95–100.
- Панина М. А. Комическое и языковые средства его выражения : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1996.
- Пропи В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986.
- Сладкевич Ж. Я ничего говорить не буду, а то опять чего-нибудь скажу: абстрактный контент публичного дискурса в ракурсе смыслопорождения (категории осмысленности и бессмысленности) // *Perswazja językowa w różnych dyskursach* / pod red. Ż. Śladkiewicz, A. Klimkiewicz. Gdańsk, 2018. Т. 3 (в печати).
- Химик В. В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб., 2004 (Предисловие). URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/khimik-04.htm> (дата обращения: 01.02.2017).
- Чернявская В. Е. Дискурс // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М., 2003.
- Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М., 2004.
- Ярцева В. Н. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 2002.
- Awdziejew A., Habrajska G. Wprowadzenie do gramatyki komunikacyjnej. Łask, 2004. Т. 1.
- Badyda E., Warda-Radys L. Santo Subito, Bimberro Grande i Pico de Waszczykowski (2017 m) – wykreowany w przestrzeni Internetu fikcyjny kraj San Escobar (wpływ kontekstu na strukturę pojęcia) // *Media, biznes, kultura. Dziennikarstwo i komunikacja społeczna*. 2017. S. 93–106.
- Bartmiński J. O językowym obrazie świata Polaków końca XX wieku // *Poliszczynna XX wieku. Ewolucja i perspektywy rozwoju* / pod red. S. Dubisza, S. Gajdy. Warszawa, 2001. S. 27–53.
- Duszek A. Dyskurs w badaniach kontekstu społecznego // *Pragmatyka, retoryka, argumentacja. Obrazy języka i dyskursu w naukach humanistycznych* / pod red. P. Stalmaszczyka, P. Саpa. Kraków, 2014. S. 227–244.
- Eggs S., Martin J. Gatunki i rejestry dyskursu // *Dyskurs jako struktura i proces* / pod red. T. van Dijk, tłum. G. Grochowski. Warszawa, 2001 (1997). S. 24–39.
- Fairclough N. *Analysing Discourse. Textual Analysis for Social Research*. L., 2003.
- Fairclough N. *Critical Discourse Analysis: the Critical Study of Language*. L., 1995.
- Fairclough N. *Language and Power*. L., 1989.
- Grice P. *Logic and Conversation* // *Speech Acts. Syntax and Semantics* / ed. P. Cole, J. Morgan. N. Y., 1975. P. 41–58.
- Halliday M. A. K. *An Introduction to Functional Grammar*. L., 1985.

- Halliday M.A.K. Language as a Social Semiotic. The social interpretation of Language and Meaning. L., 1978.
- Halliday M.A.K. Notes on Transitivity and Theme in English // Journal of Linguistics. 1967. №3. P. 50–77.
- Hintikka J. Eseje logiko-filozoficzne. Warszawa, 1992.
- Iedema R. Multimodality, Resemiotization: Extending the Analysis of Discourse as Multi-Semiotic Practice // Visual Communication. 2003. №2 (1). P. 14–26.
- Kiklewicz A. Czwarte królestwo. Język a kontekst w dyskursach współczesności. Warszawa, 2012.
- Kress G. Multimodality. A social semiotic approach to contemporary communication. L. ; N. Y., 2010.
- Kress G., Leeuwen van T. Multimodal discourse. The modes and media of contemporary communication. L., 2001.
- Maćkiewicz J. Kategoriezacja a językowy obraz świata // Językowy obraz świata 12 / pod red. J. Bartmińskiego. Lublin, 1999. S. 47–55.
- Maćkiewicz J. Jak można badać komunikację medialną? – perspektywa odbiorcy // Studia Medioznawcze. 2016. №2. S. 25–35.
- Martin J. English Text. Amsterdam, 1992.
- McLuhan M. Galaktyka Gutenberga // Wybór tekstów. Poznań, 2001.
- Realpolitiks: San Escobar wchodzi do gry. URL: <http://www.gra.pl/gry/realpolitiks-san-escobar-wchodzi-do-gry> (data обращения: 22.06.2018).
- Searle J. Making the Social World. Oxford, 2010.
- Searle J. Speech Acts. An Essay of the Philosophy of Language. Cambridge, 1969.
- Searle J. The construction of social reality. N. Y., 1995.
- Sieńko A. Polskie firmy oszalały na punkcie San Escobar. Ich pomysły zadziwiają kreatywnością [2017]. URL: <http://innpoland.pl/132213,polskie-firmy-oszalaly-na-punkcie-san-escobar-ich-pomysly-zadziwiają-kreatywnoscia> (data обращения: 20.06.2018).
- Skudrzyk A. Czy zmierzch kultury pisma? O synestezji i analfabetyzmie funkcjonalnym. Katowice, 2005.
- Ślobodzian M. Globalizacja – szansa czy konieczność? URL: <http://www.edukacja.edu.pl/p-10757-globalizacja-szansa-czy-koniecznosc.php> (data обращения: 04.04.2018).
- Szpunar M. Nowe media a paradygmat kultury uczestnictwa // Teorie komunikacji i mediów 2 / pod red. M. Graszewicza, J. Jastrzębskiego. Wrocław, 2010, S. 251–262.
- Szczerek Z. Niech żyje San Escobar! Między Molvanią a San Sombrero. URL: <https://www.polityka.pl/tygodnikpolityka/swiat/1690342,1,niech-zyje-san-escobar.read> (data обращения: 19.06.2018).
- Taylor A. San Escobar: How Poland's foreign minister helped create a fake country // Washington Post. 2017. 11 Jan.
- van Dijk T. Discourse and Context. Cambridge, 2008.
- van Dijk T. Macrostructures. N. Y., 1980.
- van Dijk T. Society and Discourse. How Social Contexts Influence Text and Talk. Cambridge, 2009.
- van Leeuwen T. Introducing Social Semiotics. L. ; N. Y., 2005.
- Wang W., Liu W. Critical Discourse Analysis of New Reports on China's Bullet-Train Crash // Studies in Literature and Language. 2015. Vol. 10, №2. P. 1–8.
- Wikariak S. San Escobar już nie dla wszystkich. Trwa walkę o markę [2017]. URL: [http://gospodarka.dziennik.pl/news/artykuly/545460,san-escobar-marka-patent-](http://gospodarka.dziennik.pl/news/artykuly/545460,san-escobar-marka-patent-(data-obraczenia:23.06.2018)) (data обращения: 23.06.2018).
- Zwierzchowski M. San Escobar – Waszcykowski odkrył nowy kraj, internet oszalał [2017]. URL: <https://www.polityka.pl/tygodnikpolityka/ludzieistyle/1690154,1,san-escobar--waszcykowski-odkryl-nowy-kraj-internet-oszalal.read> (data обращения: 19.06.2018).

Об авторе

Жанна Ромуальдовна Сладкевич, доктор филологических наук, Гданьский университет, Польша; исследователь, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: filzs@ug.edu.pl

Для цитирования:

Сладкевич Ж.Р. Медиаобраз Сан-Эскобара в пространстве вымышленных миров: социо семиотический ракурс // Слово.ру: балтийский акцент. 2019. Т. 10, №2. С. 73 – 103. doi: 10.5922/2225-5346-2019-2-7.

THE MEDIA IMAGE OF SAN ESCOBAR IN THE SPACE OF FICTIONAL WORLDS: A SOCIO-SEMIOTIC PERSPECTIVE

Zh. R. Sladkevich^{1,2}

¹ University of Gdansk

51, Vita Stvosha Str., 80 – 308 Gdansk, Poland

² Immanuel Kant Baltic Federal University

14 A. Nevskogo St., Kaliningrad, 236016, Russia

Submitted on May 29, 2018

doi: 10.5922/2225-5346-2019-2-7

The article deals with the process of structuring the concept of the fictitious state of San Escobar from the perspective of social semiotics, including the broadly understood context and media environment for constructing the image. The creation of the internet memes was inspired by a lapsus linguae of the Polish Minister of Foreign Affairs Witold Waszczykowski.

Major changes in the communicative space, the dominance of digital media resources and multimodal messages, the hegemony of visual culture and the increased impact of the social factor on the specifics of linguistic transformations contribute to the growing popularity of social semiotic studies. In the theoretical part of the paper, I give a brief analysis of the evolution of the concept of "context" in linguistics from the perspective of systemic functional grammar, cognitivism, social semiotics and multimodal discourse analysis. The analytical part of the article explores the constructed media image of the fictitious state of San Escobar through the prism of the following contexts: situational-medial, cultural-cognitive, linguistic, intentional and socio-economic.

Summing up the specifics of the formation of meaning in narrative social practices, I draw conclusions about the recontextualization of Mikhail Bakhtin's ideas concerning the polyphonic nature of language and communication.

Keywords: social semiotics, context, media image, Internet communication.

References

Ageyeva, R.A., 1990. *Strany i narody: Proiskhozhdeniye nazvaniy* [Countries and Peoples: Origin of Names]. Moscow (in Russ.).

Ayzenberg, M., 1997. Power of darkness quotes. *Znamya* [Banner], 2, pp. 214 – 221 (in Russ.).

Arutyunova, N. D., 1990. Discourse. In: V. N. Yarceva, ed. *Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow. pp. 136–137 (in Russ.).

Bakhtin, M. M., 1986. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow (in Russ.).

Belovodskaya, A., 2016. On the issue of the media image analysis methodology (on the example of the corpus of Internet memes expressing the Putin media-concept). *Przeglad Rusycystyczny*, 4 (156), pp. 118–131 (in Russ.).

Bershidskiy, L., 2013. *Moskva pokhozha na Mordor, Ukraina – na stranu hobbitov* [Moscow is like Mordor, Ukraine is like a hobbit country]. Available at: https://censor.net.ua/resonance/240801/moskva_pohoja_na_mordor_ukraina_na_stranu_hobbitov [Accessed 19 August 2018] (in Russ.).

Bochkareva, N., 2016. *4 strany, kotorye ne sushchestvujut* [4 countries that do not exist]. Available at: <http://fb.ru/post/destinations/2016/2/8/4077> [Accessed 19 August 2018] (in Russ.).

Verbitskiy, A. A., 1990. *Aktivnoe obuchenie v shkole: kontekstnyj podkhod* [Active schooling: a contextual approach]. Moscow (in Russ.).

Vinogradov, V. V., 1977. The main types of lexical meanings of the word. In: *Leksikologiya i leksikografiya. Izbr. trudy* [Lexicology and lexicography. Fav. works]. Moscow (in Russ.).

Galinskaya, T., 2013. The concept of the media image and the problem of its reconstruction in modern linguistics. *Vestnik OGU* [Bulletin of OGU], 11(160), pp. 91–94 (in Russ.).

Glinka, K., *Teoriya yumora* [Theory of Humor]. Available at: https://scorcher.ru/neuro/neuro_sys/laughter/laughter5.php [Accessed 19 August 2018] (in Russ.).

El'm'slev, L., 1960. Prolegomena to the theory of language. *Novoe v lingvistike* [New in linguistics], 1 (in Russ.).

El'nitskii, L. A., 1962. *Drevneishie okeanskie plavaniya* [The oldest ocean swimming]. Moscow (in Russ.).

Zhel'tukhina, M. R., 2000. *Komicheskoye v politicheskom diskurse (na materiale nemeckogo i russkogo yazykov)* [Comic in political discourse (on the material of German and Russian languages)]: Ph.D. Volgograd State Pedagogical University (in Russ.).

Zagibalova, M. A., 2008. *Phenomen karnavalizacii sovremennoj kultury* [The phenomenon of carnivalization of modern culture]: Ph.D. Tula State Pedagogical University (in Russ.).

Zalevskaya, A. A., 1999. *Vvedenie v psikholingvistiku* [Introduction to Psycholinguistics]. Moscow (in Russ.).

Zerchaninova, T. Ye., 2006. *Sociologiya. Slovar'* [Sociology. Vocabulary]. Ekaterinburg, Available at: <http://voluntary.ru/dictionary/1107> [Accessed 19 August 2018] (in Russ.).

Ilyin, M. V., 2016. What can an analysis of performatives give? *Politicheskaya nauka* [Political science], 4. pp. 262–270 (in Russ.).

Ionov, A., 2018. *Putevoditel' po vymyshlennym stranam Marvel: Vakanda, Latveriya, dalee vezde* [Marvel fictional countries guide: Wakanda, Latveria, then everywhere]. Available at: <https://www.mirf.ru/worlds/marvel-strany-wakanda-latveria> [Accessed 19 August 2018] (in Russ.).

Kwyat, A., 2013. Media as an instrument of political PR: cognitive approach. *Reklama i PR* [Advertising and PR], 1. Available at: <http://www.mediascope.ru/node/1254> [Accessed 19 August 2018] (in Russ.).

Knyazev, A. A., 2002. *Enciklopedicheskij slovar' SMI* [Encyclopedic dictionary of media]. Moscow. Available at: <http://voluntary.ru/dictionary/1105/word/kontekst> [Accessed 19 August 2018] (in Russ.).

Kondratov, A. M., 1987. *Atlantidy pyati okeanov* [Atlantis of the Five Oceans]. Leningrad (in Russ.).

Kondratov, A.M., 1988. *Atlantidy ishchite na shel'fe* [Atlantis look on the shelf]. Leningrad (in Russ.).

Konopleva, T.V., 2013. Psychology of information perception: perception of news about the world of politics in the media space. *Psikholog* [Psychologist], 5. Available at: http://e-notabene.ru/psp/article_9247.html#8 [Accessed 19 August 2018] (in Russ.).

Kubryakova, Ye. S., 1995. The evolution of linguistic ideas in the second half of the XX century. In: Yu. S. Stepanov, ed. *Yazyk i kultura konca XX veka* [Language and culture of the end of the XX century]. Moscow (in Russ.).

Lakoff, G., 1988. Thinking in the mirror of classifiers. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike* [New in foreign linguistics], 23, pp. 12–52 (in Russ.).

Losev, A.F., 1982. *Znak. Simvol. Mif* [Sign. Symbol. Myth]. Moscow (in Russ.).

Maslova, V.A., 2008. *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive linguistics]. Minsk (in Russ.).

Mozhejko, M.A., 2001. Context. In: *Novejsij filosofskij slovar'* [Newest Philosophical Dictionary]. Minsk (in Russ.).

Morton, A.L., 1956. *Anglijskaya utopiya* [English utopia]. Moscow (in Russ.).

Myrkin, V. Ya., 1978. Types of contexts. Communicative context. *Philologicheskiye nauki* [Philology], 1, pp. 95–100 (in Russ.).

Panina, M.A., 1996. *Komicheskoe i yazykovye sredstva yego vyrazheniya* [Comic and language means of expression]. PhD. Moscow State Linguistic University (in Russ.).

Propp, V. Ya., 1986. *Istoricheskie korni volshebnoj skazki* [The historical roots of the fairy tale]. Leningrad (in Russ.).

Sladkevich, Zh., 2018. I will not say anything, but again I will say something: the aberration content of public discourse from the perspective of meaning generation (categories of meaningfulness and meaninglessness). In: Zh. Sladkevich, A. Klimkevich, eds. *Perswazja językowa w różnych dyskursach*. Vol. 3. Gdańsk (in print) (in Russ.).

Khimik, V.V., 2004. *Bolshoj slovar' russkoj ekspressivnoj razgovornoj rechi* [Large dictionary of Russian colloquial expressive speech]. St. Petersburg. Available at: <http://www.philology.ru/linguistics2/khimik-04.htm> [Accessed 01 february 2017] (in Russ.).

Chernyavskaya, V. Ye., 2003. Discourse. In: M.N. Kozhina, ed. *Stilisticheskij enciklopedicheskij slovar' russkogo yazyka* [Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language]. Moscow (in Russ.).

Shegal, Ye.I., 2004. *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. Moscow (in Russ.).

Yarceva, V.N., 2002. *Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow (in Russ.).

Awdiejew, A., Habrajska, G., 2004. *Wprowadzenie do gramatyki komunikacyjnej*. Vol. 1. Łask.

Badyda, E., Warda-Radys, L., 2017. Santo Subito, Bimberro Grande i Pico de Waszczykowski (2017 m) – wykreowany w przestrzeni Internetu fikcyjny kraj San Escobar (wpływ kontekstu na strukturę pojęcia). In: *Media, biznes, kultura. Dziennikarstwo i komunikacja społeczna*. pp. 93–106.

Bartmiński, J., 2001. O językowym obrazie świata Polaków końca XX wieku. In: S. Dubisz and S. Gajda, eds. *Polszczyzna XX wieku. Ewolucja i perspektywy rozwoju*. Warszawa. pp. 27–53.

Duszak, A., 2014. Dyskurs w badaniach kontekstu społecznego. In: P. Stalmaszczyk and P. Cap, eds. *Pragmatyka, retoryka, argumentacja. Obrazy języka i dyskursu w naukach humanistycznych*. Kraków. pp. 227–244.

Eggins, S., Martin, J., 2001 (1997). Gatunki i rejestry dyskursu. In: T. van Dijk, ed. *Dyskurs jako struktura i proces*. Warszawa, pp. 24–39.

Fairclough, N., 2003. *Analysing Discourse. Textual Analysis for Social Research*. London.

- Fairclough, N., 1995. *Critical Discourse Analysis: the Critical Study of Language*. London.
- Fairclough, N., 1989. *Language and Power*. London.
- Grice, P., 1975. Logic and Conversation. In: P. Cole, J. Morgan, eds. *Speech Acts. Syntax and Semantics*. New York. pp. 41–58.
- Halliday, M. A. K., 1985. *An Introduction to Functional Grammar*. London.
- Halliday, M. A. K., 1978. *Language as a Social Semiotic. The social interpretation of Language and Meaning*. London.
- Halliday, M. A. K., 1967. Notes on Transitivity and Theme in English. *Journal of Linguistics*, 3, pp. 50–77.
- Hintikka, J., 1992. *Eseje logiko-filozoficzne*. Warszawa.
- Iedema, R., 2003. Multimodality, Resemiotization: Extending the Analysis of Discourse as Multi-Semiotic Practice. *Visual Communication*, 2 (1). pp. 14–26.
- Kiklewicz, A., 2012. *Czwarte królestwo. Język a kontekst w dyskursach współczesności*. Warszawa.
- Kress, G., 2010. *Multimodality. A social semiotic approach to contemporary communication*. London – New York.
- Kress, G., Leeuwen, van T., 2001. *Multimodal discourse. The modes and media of contemporary communication*. London.
- Maćkiewicz, J., 1999. Kategoriezacja a językowy obraz świata. In: J. Bartmiński, ed. *Językowy obraz świata 12*. Lublin. pp. 47–55.
- Maćkiewicz, J., 2016. Jak można badać komunikację medialną? – perspektywa odbiorcy. *Studia Medioznawcze*, 2, pp. 25–35.
- Martin, J., 1992. *English Text*. Amsterdam.
- McLuhan, M., 2001. Galaktyka Gutenberga. In: *Wybór tekstów*. Poznań.
- Searle, J., 2010. *Making the Social World*. Oxford.
- Searle, J., 1969. *Speech Acts. An Essay of the Philosophy of Language*. Cambridge.
- Searle, J., 1995. *The construction of social reality*. New York.
- Sieńko, A., 2017. *Polskie firmy oszalały na punkcie San Escobar. Ich pomysły zadziwiają kreatywnością*. Available at: <http://innpoland.pl/132213,polskie-firmy-oszalaly-na-punkcie-san-escobar-ich-pomysly-zadziwiają-kreatywnoscia> [Accessed 20 June 2018].
- Skudrzyk, A., 2005. *Czy zmierzch kultury pisma? O synestezji i analfabetyzmie funkcjonalnym*. Katowice.
- Słobodzian, M., *Globalizacja – szansa czy konieczność?* Available at: <http://www.edukacja.edux.pl/p-10757-globalizacja-szansa-czy-koniecznosc.php> [Accessed 04 April 2018].
- Szpunar, M., 2010. Nowe media a paradygmat kultury uczestnictwa. In: M. Graszewicz, J. Jastrzębski, eds. *Teorie komunikacji i mediów 2*. Wrocław. pp. 251–262.
- Szczerek, Z., 2017. *Niech żyje San Escobar! Między Molvanią a San Sombrero*. Available at: <https://www.polityka.pl/tygodnikpolityka/swiat/1690342,1,niech-zyje-san-escobar.read> [Accessed 19 June 2018].
- Taylor, A., 2017. San Escobar: How Poland's foreign minister helped create a fake country. *Washington Post*. Available at: https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2017/01/11/san-escobar-how-polands-foreign-minister-helped-crea-te-a-fake-country/?noredirect=on&utm_term=.60f54f8bd5e8 [Accessed 22 June 2018].
- van Dijk, T., 2008. *Discourse and Context*. Cambridge.
- van Dijk, T., 1980. *Macrostructures*. New York.
- van Dijk, T., 2009. *Society and Discourse. How Social Contexts Influence Text and Talk*. Cambridge.
- van Leeuwen, T., 2005. *Introducing Social Semiotics*. London – New York.
- Wang, W., Liu, W., 2015. Critical Discourse Analysis of New Reports on China's Bullet-Train Crash. *Studies in Literature and Language*, 10(2), pp. 1–8.

Wikariak, S., 2017. *San Escobar już nie dla wszystkich. Trwa walkę o markę*. Available at: <http://gospodarka.dziennik.pl/news/artykuly/545460,san-escobar-marka-patent-> [Accessed 23 June 2018].

Zwierzchowski, M., 2017. *San Escobar – Waszczykowski odkrył nowy kraj, internet oszalał*. Available at: <https://www.polityka.pl/tygodnikpolityka/ludzieistyle/1690154,1,san-escobar--waszczykowski-odkryl-nowy-kraj-internet-oszalal.read> [Accessed 19 June 2018].

The author

Prof. Zhanna R. Sladkevich, University of Gdansk, Poland; researcher, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: filzs@ug.edu.pl

To cite this article:

Sladkevich, Zh. R. 2019, The media image of San Escobar in the space of fictional worlds: a socio-semiotic perspective, *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 10, no. 2, p. 73–103. 10.5922/2225-5346-2019-2-7.